

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.В. Морозов

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
ТЮБИНГЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ЮБИЛЕЙНОМ КОНТЕКСТЕ
1927 ГОДА**

Препринт WP6/2013/06
Серия WP 6

Гуманитарные исследования

Москва
2013

УДК 378(09)
ББК 74.58
М80

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

М80 **Морозов, О. В.** Историческое прошлое Тюбингенского университета в юбилейном контексте 1927 года [Текст] : препринт WP6/2013/06 / О. В. Морозов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 28 с. – (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). – 150 экз.

В работе рассматриваются практики создания прошлого, использовавшиеся в Тюбингенском университете Эберхарда и Карла (Баден-Вюртемберг, Германия) по случаю 450-летия со дня его основания. Автор анализирует юбилейное издание университетской истории и торжественные речи профессоров, выявляя в них способы репрезентации исторических сюжетов и их роль в самоидентификации ученого сообщества.

УДК 378(09)
ББК 74.58

Morozov, O. V. The Historical Past of Tübingen University within the 1927 Jubilee Context [Text] : Working paper WP6/2013/06 / O. Morozov ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. – 28 p. – (Series WP6 “Humanities”). – 150 copies (in Russian).

This paper reviews the history writing practices that were employed at Tübingen University on the occasion of its 450th anniversary. The author examines a jubilee edition of the university’s history and the speeches of professors, identifying in them the ways in which they represent historical plots and their role in self-identifying the academic community.

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов в университетской истории России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

Морозов Олег Владимирович – стажер-исследователь ИГИТИ НИУ ВШЭ, аспирант факультета истории НИУ ВШЭ.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Морозов О. В., 2013
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

Исследователи неоднократно отмечали, что юбилеи высшей школы являются реперными точками в развитии ее историографии. Историописание Тюбингенского университета – лучшее тому доказательство¹.

В конце июля 1927 г. Тюбингенский университет (Karl-Eberhards-Universität Tübingen) отпраздновал свое 450-летие. Юбилей включал множество мероприятий, подготовка к которым началась еще в 1925 г.: шествия, церковные службы, выступления профессоров и гостей, банкеты, фейерверки, гуляния и пр. Под стать праздничному пафосу была и печатная продукция, призванная увековечить событие для потомков, представив университет во всем великолепии. Часть юбилейных текстов, в том числе изданные речи ректора, профессоров и гостей, была посвящена университетскому историописанию.

---

¹ Лучшее всего это видно на примере 500-летней годовщины Тюбингенского университета: газета «Tübinger Chronik» запустила серию статей по истории развития естественных и гуманитарных наук, антифашистский комитет опубликовал «Коричневую книгу» в память о преступлениях нацистов и «проработке прошлого» во второй половине XX в., с участием архива и библиотеки была организована специальная выставка, а в серийном издании «Contubernium» появилось сразу десять работ по истории университета и науки в целом. См.: Die Universität Tübingen von 1477 bis 1977 in Bildern und Dokumenten / H. Decker-Hauff und W. Setzler (Hg.). – Tübingen: Attempto, 1977; Beiträge zur Geschichte der Universität Tübingen 1477–1977 / H. Decker-Hauff, G. Fichtner und K. Schreiner (Hg.). – Tübingen: Attempto, 1977; Braunbuch zum 500jährigen Jubiläum der Eberhard-Karls-Universität Tübingen. – Tübingen: u.a., 1977; Müth R. Studentische Emanzipation und staatliche Repression: die politische Bewegung der Tübinger Studenten im Vormärz, insbesondere von 125 bis 1837. – Tübingen: Mohr, 1977; Teufel W. Universitas Studii Tuvingensis: die Tübinger Universitätsverfassung in vorreformatorischer Zeit (1477–1534). – Tübingen: Mohr, 1977; Saltzwedel G. Victor von Bruns (1812–1883): Leben und Werk. – Tübingen: Mohr, 1977; Brecht M. Theologen und Theologie an der Universität Tübingen: Beiträge zur Geschichte der Evangelisch-Theologischen Fakultät. – Tübingen: Mohr, 1977; Sieber E. Dokumente zur gescheiterten Tübinger Universitätsreform in der Revolution 1848/49. – Tübingen: Mohr, 1977; Uwe D.A., Hochschule im Nationalsozialismus. Die Universität Tübingen im Dritten Reich. – Tübingen: Mohr, 1977; Elsener F. Lebensbilder zur Geschichte der Tübinger Juristen Fakultät. – Tübingen: Mohr, 1977; Reinhardt R., Tübinger Theologen und ihre Theologie. Quellen und Forschungen zur Geschichte der Katholisch-Theologischen Fakultät Tübingen. – Tübingen: Mohr, 1977; Vorndran R., Südslawische Reformationsdrucke in der Universitätsbibliothek Tübingen: e. Beschreibung d. vorh. glagolischen, kyrillischen u. anderen Drucke d. «Uracher Bibelanstalt». – Tübingen: Mohr, 1977; Engelhard W. von, Hölder H. Mineralogie, Geologie und Paläontologie an der Universität Tübingen von den Anfängen bis zur Gegenwart. – Tübingen: Mohr, 1977.

Термин «университетское историописание» не имеет устойчивого значения как в англоязычной (university history writing), так и в русско- и немецкоязычной академической среде (Universitäts-geschichtsschreibung). Обычно историки используют его как синоним университетской историографии, хотя под ним может пониматься и вся совокупность текстов по истории университетов, включая периодическую печать, альбомы, памфлеты и пр. Кто и как пишет, издает подобные работы, по какому поводу и с какой целью – все эти вопросы нуждаются в дополнительном уточнении. Актуальной в наши дни становится та роль, которую тексты и публичные выступления представителей ученого сообщества играют в создании их собственного прошлого, консолидируя и обобщая базовые представления об «общей» истории, а следовательно, и «общей» идентичности.

Таким образом, изучение рецепции университетами своей истории ставит исследователя лицом к лицу с куда более широкой проблемой: ролью юбилейных торжеств, а также изданных по их случаю коммеморативных текстов в структурировании культурных, социальных и исторических пространств². В данной статье содержание юбилейной истории и речей будет интересовать меня с точки зрения способов репрезентации Тюбингенского университета, которая организуется на основе исторических сюжетов.

В качестве одного из подходов к изучению юбилейных текстов мне хотелось бы предложить нарративную теорию, активно развивавшуюся на Западе во второй половине XX в. (Франк Анкерсмит, Артур Данто, Хейден Уайт, Луис Минк, Ролан Барт, Поль Рикёр, Мишель де Серто). За полвека нарратология сумела добиться немалых успехов в изучении репрезентативных возможностей исторического рассказа, сфокусировавшись на исследовании языковых и, шире, повествовательных технологий таких известных историков, как Леопольд фон Ранке, Марк Блок или Фернан Бродель. Конечно, каждый из нарративистов имел свои взгляды и подходы к изучению исторических текстов, хотя и опирался на откры-

---

² Как отмечает М.Ф. Румянцева со ссылкой на Н.А. Комлеву, конструирование социальных и культурных пространств тесно связано с мировосприятием человека постнеклассической эпохи. Румянцева отдельно выделяет историческое пространство с его «нетерриториальными границами», которое является, по-видимому, составной частью более широкого информационно-идеологического пространства, но с уклоном в историзм. *Румянцева М.Ф.* Логика нарратива в баденском и российском неокантианстве // Известия Уральского федерального университета. 2012. Вып. 3. С. 258.

тия предшественников. В данной статье я буду пользоваться подходами Поля Рикёра.

Источниками моего исследования являются изданная в 1927 г. история университета, речи ректора, профессоров и гостей, опубликованные затем в памятных сборниках, а также документы юбилейной комиссии и университетской администрации. Опорой мне будут служить статьи по историописанию других германских университетов³, а также научные работы по истории Тюбингена в первой половине XX в.

Поставленная проблема будет освещаться в три этапа. В первой части я раскрою взаимовлияние историописания высшей школы и юбилея; во второй – рассмотрю опубликованный к июлю 1927 г. трактат по истории Тюбингенского университета с позиций нарратологии; в третьей – покажу отсылки к историческому прошлому, которые встречаются в юбилейном дискурсе и могут использоваться в качестве способов самоидентификации. Но сначала я позволю себе остановиться на основных вехах университетского историописания в Германии с XIX по начало XXI в., чтобы показать место данной работы в контексте других исследований по схожей тематике.

1. Университетское историописание в Германии

Со времен Средневековья праздничным торжествам было свойственно пристальное внимание к прошлому. Как указывает Винфрид Мюллер, до XVI в. форма и содержание круглых дат определялись главным образом церковным вероучением, но уже во второй половине XVI столетия

---

³ *Hammerstein N.* Jubiläumsschrift und Alltagsarbeit. Tendenzen bildungsgeschichtlicher Literatur // HZ. 1983. Bd. 236. S. 601–633; *Müller R.A.* Genese, Methoden und Tendenzen der allgemeinen deutschen Universitätsgeschichte. Zur Entwicklung einer historischen Spezialdisziplin // Mensch – Wissenschaft – Magie: Mitteilungen der österreichischen Gesellschaft für Wissenschaftsgeschichte. 2000. Bd. 20. S. 181–202; *Asche M., Gerber S.* Neuzzeitliche Universitätsgeschichte in Deutschland. Entwicklungslinien und Forschungsfelder // AK. 2008. Bd. 90. S. 159–201; *Bruch R. vom.* Methoden und Schwerpunkte der neueren Universitätsgeschichtsforschung // Die Universität Greifswald und die deutsche Hochschullandschaft im 19. und 20. Jahrhundert. Kolloquium des Lehrstuhls der Pommersche Geschichte der Universität Greifswald in Verbindung mit der Gesellschaft für Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte / Werner Buchholz (Hrsg.). – Stuttgart: Franz Steiner, 2004. S. 9–26; *Paletschek S.* The Writing of University History and University Jubilees: German Examples // Studium; Revue d'Histoire des Sciences et des Universités. 2012. Vol. 5. P. 142–155.

в германских землях, где возобладала Реформация, юбилеи в университетах стали восприниматься в качестве светских праздников, которые стали средством самоидентификации протестантских профессоров, желавших оградить себя от власти римской курии⁴. До XIX в. ученые корпорации обращались к прошлому в форме праздничных речей своих представителей, не жалевших ораторских способностей, чтобы достойно изобразить «великую» историю родного учебного заведения. С XIX в. германские протестантские университеты начали издавать объемные описания значимых событий собственного прошлого, что со временем переросло в традицию. Пионером стал Гёттингенский университет: в начале столетия Кристоф Майнерс опубликовал сразу несколько книг по истории высших учебных заведений в немецкоязычной Европе, в частности Гёттингена⁵.

В период с XIX по начало XXI в. университетское историописание прошло через несколько трансформаций. Рюдигер фом Брух отмечает, что хотя за последние двадцать лет история германских университетов так и не приобрела статус самостоятельной субдисциплины в исторической науке, как это произошло с историей государства и права (*Verfassungsgeschichte*) или историей церкви (*Kirchengeschichte*), прошлое университетов, тем не менее, стало неотъемлемой частью исторических исследований⁶. Со второй половины XX в. для университетского историописания в Германии становится характерна институционализация, профессионализация и возрастающая популярность среди специалистов в области истории образования⁷.

Институционализация в Германии приходится на 1990-е годы. В 1995 г. появилось Общество университетской и интеллектуальной истории (*Gesellschaft für Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte*)⁸, а в 1998 г. вы-

---

⁴ Müller W. *Erinnern an die Gründung. Universitätsjubiläen, Universitätsgeschichte und die Entstehung der Jubiläumskultur in der Frühen Neuzeit* // BW. 1998. Bd. 21. S. 79–102.

⁵ Meiners C. *Ueber die Verfassung und Verwaltung teutscher Universitäten: in 2 Bde.* – Göttingen: J.F. Röwer, 1801–1802; *Idem. Geschichte der Entstehung und Entwicklung der hohen Schulen unseres Erdtheiles: in 4 Bde.* – Göttingen: Mohr, 1802–1805; *Idem. Kurze Darstellung der Entwicklung der hohen Schulen des protestantischen Teutschlands, besonders der hohen Schule zu Göttingen.* – Göttingen: J.F. Röwer, 1808.

⁶ Bruch R. *vom.* Op. cit. S. 9.

⁷ Paletschek S. *The Writing of University History...* P. 143.

⁸ За время своего существования Общество успело подготовить двенадцать книг в серии «Veröffentlichungen der Gesellschaft für Universitäts- und Wissenschaftsgeschichte»: *Artisten und Philosophen. Wissenschafts- und Wirkungsgeschichte einer Fakultät vom 13.*

ходит первый номер ежегодника «Jahrbuch für Universitätsgeschichte»⁹. Профессионализация обозначила себя через встраивание университетской историографии в рамки социальной, интеллектуальной и культурной истории; развитие новых предметных полей (историй факультетов и кафедр, международных университетских связей, отдельных научных дисциплин, отношений университета с городом и др.); появление так называемой «критической» истории университетов (истории женского высшего образования, антисемитизма и его распространения в ученой среде, кризиса и упадка высшей школы в период национал-социализма). Профессиональная саморефлексия помогла исследователям определить несостоятельность таких идеологем, как «университетская идея» и «университетская модель». В частности, благодаря ей историкам удалось развенчать знаменитый «гумбольдтовский миф» («Mythos Humboldt»)¹⁰.

---

bis 19. Jahrhundert / R.C. Schwingers (Hg.). – Basel: Schwabe, 1999; Juristen für das Reich. Die deutschen rechtsstudien an der Universität Bologna 1265–1465 / J. Schmutz (Hg.). – Basel: Schwabe, 2000; Humboldt International, der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhunderts / R.C. Schwingers (Hg.). – Basel: Schwabe, 2001; Humboldt auf Reisen? Die Rezeption des «deutschen Universitätsmodells» in der französischen und britischen Reformationsdiskursen (1810–1870) / M. Schalenberg (Hg.). – Basel: Schwabe, 2002; Prüll C.-R. Medizin am Toten oder am Lebenden? Pathologie in Berlin und in London, 1990–1945. – Basel: Schwabe, 2003; Schwingers R.C. (Hg.). Die Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart. – Basel: Schwabe, 2005; Examen, Titel, Promotionen. Akademischen und staatlichen Qualifikationswesen vom 13. bis zum 21. Jahrhundert / Schwingers R.C. (Hg.). – Basel: Schwabe, 2007; Immenhauser B. Bildungswege – Lebenswege. Universitätsbesucher aus dem Bistum Konstanz im 15. und 16. Jahrhundert. – Basel: Schwabe, 2007; Wissenschaftsfreiheit in Vergangenheit und Gegenwart / R.A. Müller, R.C. Schwingers (Hg.). – Basel: Schwabe, 2008; Universität im öffentlichen Raum / R.C. Schwingers (Hg.). – Basel: Schwabe, 2008; Universität, Religion und Kirchen / R.C. Schwingers (Hg.). – Basel: Schwabe, 2011; Professorinnen und Professoren gewinnen. Zur Geschichte des Berufungswesens an den Universitäten Mitteleuropas / R.C. Schwingers, C. Hesse (Hg.). – Basel: Schwabe, 2012.

⁹ В Австрии объединение специалистов в области интеллектуальной истории возникло еще в 1980 г. под названием «Австрийское общество естествознания» (Österreichische Gesellschaft für Naturwissenschaften), которое в 1992 г. переименовало себя в «Австрийское общество интеллектуальной истории» (Österreichische Gesellschaft für Wissenschaftsgeschichte), вместе с собственным ежегодником («Mensch – Wissenschaft – Magie: Mitteilungen der österreichischen Gesellschaft für Wissenschaftsgeschichte»).

¹⁰ О «гумбольдтовском мифе» см.: Mythos Humboldt. Vergangenheit und Zukunft der deutschen Universitäten / M.G. Ash (Hg.). – Wien: Böhlau, 1997; Ash M.G. Bachelor of What, Master of Whom? // European Journal of Education. 2006. Vol. 41. P. 245–267; Tenorth H.-E. Mythos Humboldt. Eine Notiz zu Funktion und Geltung der großen Erzählung über die Tradition der deutschen Universität // Intuition und Institution. Kursbuch Bredekamp / C. Behrman, S. Trinks, M. Bruhn (Hg.). – B.: Akademie, 2012. S. 69–80; Langewiesche D. Die Humboldtsche Universität als nationaler Mythos. Zum Selbstbild der deutschen Universitäten

«Онаучивание» университетского историописания не смогло избавить его от пристрастия к юбилеям и связанной с ними традиции многотомных произведений. Как показал юбилей Берлинского университета 2010 г., в частности его шеститомная история, изданная под редакцией Хайнца-Элмара Тенорта¹¹, современная историография высшей школы не обязательно должна выбирать между нарративной («рассказывающей») историей и историей-проблемой, имея возможность синтезировать оба направления.

2. Тюбинген: историописание и юбилейный контекст

Нужно помнить, что юбилей является реперной точкой не только в историописании университета, но и в его историческом развитии как таковом. Согласно Сильвии Палетчек, организуемая высшей школой юбилейная коммеморация никогда не является самоцелью и должна подкреплять экономические и политические притязания ученой корпорации¹². Например, через публичные торжества университетское руководство может озвучить свои политические пристрастия: выразить солидарность с правящей властью или, наоборот, подчеркнуть свою оппозиционность¹³. Кроме того, именно в праздничное время высшее учебное заведение открывает свои двери внешнему миру и в поисках имиджевого капитала

---

in ihrer Rektoratsreden im Kaiserreich und in der Weimarer Republik // HZ. 2010. Bd. 290. S. 53–91; *Idem.* Humboldt als Leitbild? Die deutsche Universität in den Berliner Rektoratsreden seit dem 19. Jahrhundert // Jahrbuch für Universitätsgeschichte. 2011. Bd. 14. S. 15–37; *Paletschek S.* Die Erfindung der Humboldtschen Universität. Die Konstruktion der deutschen Universitätsidee in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts // HA. 2002. Bd. 10. S. 183–205; *Idem.* Verbreitete sich ein «Humboldtsches Modell» an den deutschen Universitäten im 19. Jahrhundert? // Humboldt International, der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhunderts R.C. Schwingers (Hg.). – Basel: Schwabe, 2001. S. 75–104.

¹¹ *Tenorth H.-E.* Geschichte der Universität unter den Linden: 6 Bde. Oldenbourg, 2010.

¹² «...University jubilees not only highlight the history of the university but also the respective overall political, societal and cultural conditions. University anniversaries never just exhibit a purely commemorative dimension. They simultaneously serve political and economic interests and bring the university and the public into closer contact. In terms of ritual, university anniversaries encourage reflection upon the prevailing self-identity of the institution». *Paletschek S.* The Writing of University History... P. 146.

¹³ *Ibid.* P. 145.

ищет контакта с администрацией и жителями города, государством и другими научными центрами. Матиас Котовский¹⁴ в своем исследовании показал, что в годы Веймарской республики именно коммеморативные торжества¹⁵ способствовали перерождению Тюбингенского университета из изолированной корпорации в новое публичное пространство. И 450-летие университета сыграло в этом процессе не последнюю роль.

Историзация повседневного и научного дискурсов – главный признак юбилейного торжества. Как заметил историк Вальдемар Тойфель по случаю 500-летия Тюбингенского университета, «юбилеи всегда являются поводом оглянуться в прошлое»¹⁶. Это пристальное внимание к истории не случайно, ведь исторические сюжеты, отобранные и представленные в нужном свете, заключают в себе колоссальный коммеморативный потенциал. В умелых руках он не просто обеспечивает зрителя или читателя зрелищными образами, но и создает единое символическое пространство – фактор самоидентификации сообщества.

Если посмотреть на юбилейные тексты с этого ракурса, то перед нами встанут два вопроса: в какой мере развитие университетского историописания являлось результатом свободного творчества авторов, и не было ли оно инициировано политической властью или университетской администрацией, для которых научное знание – это не цель, а только средство? Вадим Парсамов обращает внимание на важное обстоятельство, когда пишет, что связь юбилея с историей предполагает подчиненное положение последней, в результате чего история утрачивает свою «подлин-

---

¹⁴ *Kotowski M.* Die öffentliche Universität. Veranstaltungskultur der Eberhard-Karls-Universität Tübingen in der Weimarer Republik. – Stuttgart: Franz Steiner, 1999.

¹⁵ Как видно из книги М. Котовски, коммеморативная культура в период Веймарской республики включала в себя не только университетские юбилеи, но и целый ряд праздничных и памятных дат, некоторые из которых отмечались на региональном и даже национальном уровне. Например, День основания Германской империи (Reichsgründungstag) стал национальным праздником в Веймарской республике после длительных дискуссий, поводом для которых послужило празднование 50-летия рейха в 1921 г. В мае 1921 г. Союз немецких высших школ (Verband Deutscher Hochschulen) утвердил 18 января – день провозглашения в Версале прусского короля Вильгельма I императором Германской империи – национальным праздником. *Kotowski M.* Op. cit. S. 45–63; *Schellack F.* Nationalfeiertage in Deutschland von 1871 bis 1945. – Frankfurt/M: u.a., 1990; *Lehnert D., Megerle K.,* Politische Identität und nationale Gedenktage // Politische Identität und nationale Gedenktage. Zur politischen Kultur in der Weimarer Republik / D. Lehnert, K. Megerle. Opladen, 1989. S. 9–30.

¹⁶ *Teufel W.* Universitas Studii Tüwingensis. Die Tübinger Universitätsverfassung in vorreformatorische Zeit (1477–1534). – Tübingen: Mohr, 1977.

ность» и становится служанкой идеологии: «Присоединяя к термину “история” эпитет “юбилейная” или “официальная”, мы тем самым как бы признаем, что перед нами не совсем история в ее подлинном виде. И отношение к такой истории во многом зависит от отношения к официальной пропаганде, являющейся в данном случае важнейшим критерием оценки»¹⁷.

В XIX – первой половине XX в. книги по истории университетов были неотъемлемой частью коммеморативной культуры высшего учебного заведения. Конечно, текст, особенно объемный исторический труд в несколько сотен страниц, – далеко не самое действенное средство пропаганды единства и героизма. Визуальная и перформативная часть юбилеев, включающая парады, выставки, банкеты, а самое главное – юбилейные речи, справляется с этой задачей куда более эффективно. Организаторы торжеств 1927 г. не стали пренебрегать визуальными возможностями. Например, во второй день юбилея было организовано праздничное шествие (Festzug) профессоров и студентов в центре города: от главного здания (Neue Aula) до церкви Святого Георга (Stiftskirche St. Georg)¹⁸. Однако, в силу своей скоротечности, праздничные акции не в состоянии поддерживать долговременную иллюзию единства. Тексты и созданные в них символические пространства, напротив, могут веками хранить образ корпорации, пока не придет время нового юбилея. Именно поэтому издание официальной истории университетов контролировали юбилейная комиссия (Jubiläums-Ausschuss)¹⁹ и Сенат (Großer Senat).

---

¹⁷ Парсамов В.С. «История императорского Московского университета» С.П. Шевырева: исторический нарратив в политическом контексте. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 3. Данная статья является одним из лучших примеров того, как обстоятельства политической борьбы между министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, попечителем С.Г. Строгановым и председателем комитета 1849 г. генералом Д.П. Бутурлиным нашли свое отражение в первой юбилейной истории Московского императорского университета, изданной в 1855 г. Изданный профессором С.П. Шевыревым труд оказался историческим аргументом в пользу университетской политики С.С. Уварова, за что заслужил неблагоприятные отзывы современников.

¹⁸ Фотографии праздничного шествия см.: Die Universität Tübingen von 1477 bis 1977 in Bildern und Dokumenten... S. 278–279.

¹⁹ Обычно в состав комиссии входили ректор, проректор, канцлер, университетсрат (Universitätsrat) и по одному профессору от каждого факультета. Состав комиссии не был фиксированным и регулярно менялся. Обычно подготовка к торжествам занимала около двух-трех лет. Ректор, избравшийся на один год, покидал комиссию после истечения срока своих полномочий, а его место занимал преемник.

Тюбингенский юбилей 1927 г. стал в прямом смысле слова временем «изобретения традиции»²⁰. Ранее университет праздновал только сотые годовщины. Идея отметить 450-летие принадлежала группе лоббистов из числа администрации, в числе которых были университетсрат (Universitätsrat)²¹ Теодор Кнапп и ректор Людвиг фон Кёлер²². Само собой, их инициатива вызвала вопросы и неоднозначные отклики в Сенате²³, а первая проблема, которую должна была решать сформированная в июле 1925 г. юбилейная комиссия, – нужно ли вообще проводить внеочередное торжество в условиях дефицита средств и отсутствия вместительных залов для пышных банкетов и собраний²⁴. В изданном после юбилея памятном сборнике Т. Кнапп обосновал необходимость проведения праздника идеологически, представив 1927 г. как поворотный момент в истории Тюбингена, демаркационную линию на стыке эпох:

Мы стоим на рубеже, который, наверное, нигде не виден так отчетливо, как в высшей школе. Ну разве не было важно использовать это время, чтобы оглянуться в прошлое, лучше увидеть будущее и понять собственное положение, собрав новые силы? Разве не надо было вновь восстановить связи, порванные или ослабленные военным и послевоенным временем? И разве не было у университета, как и у нас всех, повода привлечь к себе внимание общественности, чтобы не очутиться в забвении как скромное учебное заведение в маленьком городе, вдали от очагов, где кипит духовная и экономическая жизнь и идет состязание между другими образовательными центрами?²⁵

---

²⁰ Kotowski M. Op. cit. S. 270–271.

²¹ Один из высших чиновников в университете, находящийся в иерархии рядом с канцлером, полномочия которого регулировались § 42 Университетского устава от 5 октября 1912 г.

²² Людвиг фон Кёлер известен не только как ректор, но и как последний министр внутренних дел (Innenminister) Вюртембергского королевства, исполнявший свои обязанности вплоть до упразднения монархии в начале ноября 1918 г. О нем см.: Kohlhaas W. Ludwig von Köhler. Letzter königlich württembergischer Innenminister // Lebensbilder aus Baden-Württemberg. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1994. Bd. 18. S. 471–485; 150 Jahre Promotion an der Wirtschaftswissenschaftlichen Fakultät der Universität Tübingen. Biographien der Doktoren, Ehrendoktoren und Habilitierten 1830 bis 1980. – Stuttgart: Konrad Theiss, 1984. S. 33, 615, 684.

²³ «Professor Schmid hält es für zweckmässig, wenn vor der Einberufung eines Ausschusses die Frage entschieden wird, ob überhaupt eine Feier stattfinden soll». UAT, 117/2003. Nr. 2: Auszug aus den Protokollen des Grossen Senats. 5. Juli 1925. S. 1.

²⁴ UAT, 117/2003. Nr. 2: Akten über Jubiläums-Ausschuss 1925–1927. S. 1.

²⁵ «Wir stehen in einer Zeitwende, die vielleicht nirgends stärker in die Erscheinung tritt als an einer Hochschule. Lag es nicht nahe, den Einschnitt eines halben Jahrhunderts zu kurzem

Выходу университетской истории (Universitätsgeschichte) предшествовали размышления и дискуссии. Сохранившиеся в архиве протоколы юбилейной комиссии показывают, что на втором заседании 21 октября 1925 г. вопрос о создании исторического трактата ее члены решили доверить Сенату. На этой же встрече было решено выпустить праздничный сборник статей (Jubiläumsfestschrift), где было бы напечатано по одному тексту от каждого из шести факультетов. Несколько дней спустя, когда собрался Сенат, была озвучена идея написать историю в нескольких томах. Член Сената профессор Адальберт Валь предложил сделать три тома, выстроив повествование по хронологическому принципу: первый охватывал бы историю с 1477 г. до Реформации, второй – до конца эпохи рационализма (видимо, имелся в виду конец XVI – начало XVIII в.), третий – Новое время²⁶. По замыслу Валя, в проекте следовало сделать акцент на развитии в университете гуманитарных дисциплин²⁷. Кроме того, звучали предложения издать отдельную книгу с иллюстрациями (Bilderband), созданную коллективными усилиями историков, теологов и филологов под общим руководством Баденской исторической комиссии в Штуттгарте²⁸.

Любопытно, что уже на заседании 18 декабря 1925 г. из-за нехватки времени и денег от всех этих грандиозных планов организаторы отказались. На этой же встрече ректор предложил издать к юбилею несколько работ по истории факультетов. Его предложение поддержал профессор Хенниг, член комиссии от факультета естествознания (Naturwissenschaftliche Fakultät). Но по инициативе канцлера всё же было решено подготовить

Halt zu benutzen, um sich im Rückblick und Ausblick über den eigenen Standort klar zu wenden und aus dieser besinnlichen Betrachtung neue Kraft zu schöpfen? Galt es nicht, die Fäden, die durch Krieg und Nachkriegszeit gelockert oder zerschnitten wurden, wieder fester oder neu zu knüpfen? Und hatte nicht eine Universität wie die unsrige allen Anlaß, wieder einmal die Aufmerksamkeit der weitesten Öffentlichkeit auf sich zu lenken, um als bescheidene Kleinstaduniversity weitab von den Brennpunkten des Verkehrs und des geistigen und wirtschaftlichen Lebens im Wettbewerb der Hochschulen nicht in Vergessenheit zu geraten?». Die Feier des 450jährigen Bestehens der Eberhard-Karls-Universität Tübingen vom 24 bis 26 Juli 1927. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1928.

²⁶ UAT, 117/2003. Nr. 2: Auszug aus den Protokollen des Grossen Senats. 26. Oktober 1925. S. 2.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. Баденская историческая комиссия (Badische Historische Kommission) действовала в Штуттгарте с 1883 по 1941 г.

трактат по истории всего университета и поручить эту работу профессору-медиевисту Йоханнесу Халлеру²⁹.

На предложение коллег Халлер ответил уклончиво. Времени на подготовку объемного труда было мало, поэтому он согласился написать работу по близкой ему средневековой тематике, попросив при этом отпуск на один семестр³⁰. Финансирование публикации с самого начала планировалось осуществить за государственный счет. На заседании Сената 26 октября 1925 г. Халлер и несколько его единомышленников открыто заявили, что расходы на издание государство «должно рассматривать как свой почетный долг»³¹.

Как следует из протоколов заседаний, дата выпуска *Universitätsgeschichte* была крайне важна для определения сроков празднования юбилея, так как к началу мероприятия книга должна была быть издана. По словам Халлера, публикация могла состояться не ранее конца июля с учетом того, что как минимум два месяца займут корректура и печать. В итоге Сенат утвердил праздничные дни с 24 по 26 июля 1927 г. Конечно, отчасти это было сделано с оглядкой на готовившийся параллельно юбилей Марбургского университета. В Марбурге организаторы решили сдвинуть торжества на конец семестра³². Впрочем, сроки выпуска книги сыграли здесь

---

²⁹ Й. Халлер признается одним из самых ярких немецких историков первой половины XX в. Его главная работа – это четырехтомная история папства, изданная в период между 1934 г. и 1945 г. В начале 1950-х гг. серия была переиздана и дополнена пятым томом. *Haller J. Das Papstum: Idee und Wirklichkeit: in 5 Bde. – Urah; Stuttgart: Port.-Verl., 1950—1953.* О самом Халлере см.: *Müller H. Der bewunderte Erbfeind. Johannes Haller, Frankreich und französische Spätmittelalter // HZ. 1991. Bd. 252. S. 265–317; Volkmann H.-E. Von Johannes Haller zu Reinhard Wittram. Deutschbaltische Historiker und der Nationalsozialismus // Zeitschrift für Geschichte. 1997. Bd. 45. S. 21–46; Kaudelka S. Johannes Haller. Frankreich und französische Geschichte aus der Sicht eines Deutschbalten // Das Deutsche Historische Institut Paris und seine Gründungsväter. Ein personengeschichtlicher Ansatz, Oldenbourg Wissenschaftsverl / U. Pfeil (Hg.). – München: Oldenbourg Wissenschaftsverl., 2007. S.178–197.*

³⁰ UAT, 117/2003. Nr. 2: Akten über Jubiläums-Ausschuss 1925–1927. S. 9–10.

³¹ UAT, 117/2003. Nr. 2: Auszug aus den Protokollen des Grossen Senats. 26. Oktober 1925. S. 2.

³² *Ibid.* 15 Juli 1926. S. 774; UAT, 117/2003, Nr. 1. Из протоколов заседания юбилейной комиссии видно, что организаторы, утверждая сроки празднования и составляя юбилейную программу, часто оглядывались на опыт других университетов. К сожалению, специальных исследований по юбилеям 1927 г. и 1977 г., которые бы обстоятельно разобрали приготовления к праздникам, пока не написано. Книга М. Котовского, при всех ее научных достоинствах и хорошо продуманной концепции, освещает юбилей 1927 г. только на нескольких страницах, причем по большей части на основе одного юбилейного

не последнюю роль, так как с работой такого масштаба комиссия была вынуждена считаться. С самого начала юбилейных приготовлений руководство Тюбингенского университета желало получить достойный исторический труд, но его форма и хронологический охват постоянно менялись под воздействием прагматических обстоятельств.

Исследователю нужно иметь в виду эти обстоятельства для того, чтобы представлять себе условия создания текста. Иногда информация подобного рода может дать нечто большее, чем материал для источниковедческого анализа. Например, она помогает выявлять расхождения или конфликты между сторонами. Одно из расхождений мне удалось обнаружить в протоколе от 17 июня 1926 г. по сугубо формальному поводу. На встрече Й. Халлер поднял вопрос, должен ли написанный им труд содержать указание на Сенат, если никаких официальных распоряжений создать юбилейную историю он от Сената не получал³³. Халлер хотел написать труд целиком от своего имени и посвятить его университету. Против этого выступили проректор и канцлер, заявившие, что ссылку на Сенат дать необходимо, так как он принимает непосредственное участие в подготовке юбилея, а юбилейная комиссия действует от его лица³⁴. В итоге на титуле изданной книги значится, что она была написана профессором Й. Халлером по поручению Сената³⁵.

3. Герои и интриги: юбилейная история как нарратив

До сих пор я избегал использования термина «нарратив» применительно к университетским историям. Делалось это сознательно, так как далеко не каждый текст является нарративом. Проблематизация текста с позиций нарратологии может идти несколькими путями в зависимости

издания, вышедшего в 1928 г. под редакцией Т. Кнаппа, которое само является выжимкой основных событий, дат и имен – попыткой увековечить проходившие в июле мероприятия под обложкой книги. См.: *Die Feier des 450jährigen Bestehens...*

³³ UAT, 117/2003. Nr. 2: Akten über Jubiläums-Ausschuß 1925–1927. 17. Juli 1926. S. 11.

³⁴ Ibid.

³⁵ *Haller J.* Die Anfänge der Universität Tübingen 1477–1537. Zur Feier des 450jährigen Bestehens der Universität im Auftrag ihres Grossen Senats dargestellt. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1927.

от тех концепций, которые сильнее всего импонируют исследователю, будь то идеи Франка Анкерсмита, Артура Данто, Поля Рикёра, Хейдена Уайта и др.

Здесь на конкретном примере я постараюсь наметить несколько перспектив, которые открываются перед историком, если он пользуется теоретическими подходами нарративистов при анализе университетской историографии. Мое внимание будет сосредоточено на идеях Поля Рикёра. В своих размышлениях он отталкивается от дихотомии объяснения и рассказа, за которой скрываются сложные отношения между двумя историографическими жанрами: нарративной («рассказывающей») историей и историей-проблемой, отвечающей на вопрос «почему?»³⁶. С этой же позиции стоит рассматривать демаркацию научного и популярного историописания высшей школы, которая стала актуальной после профессионализации университетской истории в XX – начале XXI в.

Работа Й. Халлера³⁷ «Начало Тюбингенского университета 1477–1537» («Die Anfänge der Universität Tübingen 1477–1537») представляет собой произведение в триста страниц, охватывающее период от основания университета в 1477 г. до начала в нем Реформации в 1537 г. В своих «Воспоминаниях» автор признается, что этот труд был его самым любимым. Одним из его достоинств Халлер считал воссоздание облика средневекового Тюбингена, которым он так восхищался³⁸. Первый же взгляд на содержание не оставляет никаких сомнений в том, что автор намеревался осветить университет с разных сторон, показав его внутреннее многообразие. В первой части Халлер последовательно описы-

---

³⁶ В первом томе книги «Время и рассказ» П. Рикёр исследует возможности и ограничения исторического познания, а также интеллигибельность нарратива. Вызов, который представители школы «Анналов» бросают событийной истории, становится для Рикёра отправной точкой для последующих рассуждений о статусе события и нарративных возможностях социальной истории. *Рикёр П.* Время и рассказ / пер. с фр. Т.В. Славко. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. С. 114–130.

³⁷ Поначалу выпущенный Й. Халлером труд не имел примечаний и указаний на использованную литературу. Из-за нехватки времени и возникших сложностей с изданием к июлю 1927 г. Халлер успел закончить только основной текст. Библиографический указатель удалось выпустить только в 1929 г. в форме отдельного тома. *Haller J.* Die Anfänge der Universität Tübingen 1477–1537. Zur Feier des 450jährigen Bestehens der Universität im Auftrag ihres Grossen Senats dargestellt. T. 2: Nachweise und Erläuterungen. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1929.

³⁸ *Haller J.* Lebenserinnerungen. Gesehenes – Gehörtes – Gedachtes. Stuttgart, 1960. S. 268.

вает основание университета и всех персонажей, сыгравших главную роль в этом процессе (с. 1–50). Во второй – он переходит к академической жизни, создавая социальную и институциональную историю высшей школы (университетский устав, устройство факультетов и кафедр, главные административные должности, экономическое развитие, повседневная жизнь) (с. 51–121). В третьей части фокус повествования смещается на биографии интеллектуалов (с. 123–247). Автор признается, что для него было важно показать роль университета в истории науки и образования, а это, по его мнению, возможно только через составление коллективного портрета ученого сообщества тех лет³⁹. Наконец, в четвертой части жизнеописания интеллектуалов встраиваются в событийную историю начала XVI в. – период столкновения средневековых схоластических традиций и гуманизма (с. 249–341). Заканчивается рассказ наступлением Реформации, о которой говорится несколько общих слов.

Перед нами – сложносоставной текст, где можно выделить несколько особенностей. Авторский замысел представить университет как многомерное явление, показав его социальную и интеллектуальную стороны, выглядит для первой трети XX в. новаторским и амбициозным. Сегодня, добиваясь профессионализации современных университетских исследований, Р. фом Брух и С. Палетчек настаивают на необходимости репрезентации университета как места производства и трансляции научного знания⁴⁰. Даже в начале XXI в. реализация этой задачи невероятно трудна для историка в силу слабой разработанности истории дисциплин и университетских наук в целом. В отсутствие необходимой подготовки рассказ о научных достижениях легко превращается в свод биографических очерков⁴¹. Халлер не избежал этой ловушки. Он не отрицает, что хочет рассказать о жизни тюбингенских профессоров и по-

---

³⁹ «Was sie gewesen und getan hat, ist vor allem insoweit wissenswert, wie es Antwort gibt auf die Frage: was hat sie für die Wissenschaft ihrer Zeit und der Nachwelt, was für den Unterricht, für die Hebung des geistigen Durchschnitts in ihrem Wirkungskreis, für die Verbreitung von Kenntnissen und Bildung bedeutet? Beides ist in erster Linie eine Geschichte ihrer Lehrer. Suchen wir uns also von den Männern ein Bild zu verschaffen, die an der Tübinger Universität im ersten Menschenalter ihres Bestehens gelehrt haben». *Haller J.* Die Anfänge der Universität Tübingen... S. 125.

⁴⁰ *Bruch R. vom.* Op. cit. S. 10; *Paletschek S.* The Writing of University History... P. 148.

⁴¹ *Paletschek S.* The Writing of University History... P. 148.

казать их роль в развитии интеллектуальной жизни университета⁴². В результате вся третья часть книги является цепочкой биографий (медиков, юристов, теологов, студентов), где каждое звено рассказывает о трудах и открытиях разных ученых. К некоторым персонажам автор питает явно больше симпатии, что легко заметно по объему рассказа и выбираемым эпитетам. Примером тому являются биографии медика Йоханнеса Видмана⁴³, теолога Габриэля Биля⁴⁴ и почти агиографическое жизнеописание первого ректора и канцлера Йохана Фергенханса⁴⁵.

Поднятая выше тема интеллектуальных биографий открывает нам другой ракурс, с которого можно подойти к изучению университетской истории. Речь идет о масштабах повествования – границах репрезентации прошлого, которые выбирает автор. Эта проблема напрямую связана с нарратологией, особенно в части повествовательных возможностей исторического рассказа, а также противопоставления событийной истории и истории *longue durée*.

В тексте Халлера насчитывается как минимум два повествовательных уровня. Первый – это традиционный рассказ в жанре событийной истории, где героем повествования является конкретное одушевленное лицо (например, граф Карл Эберхард, папа Сикст IV, Филипп Меланхтон и др.). Герой – одна из импликаций, которые вводит П. Рикёр, когда говорит о «нарративной идентификации» исторического рассказа. Герой всегда стоит в центре событийной истории, так как именно он является потенциальным носителем действия, за счет которого развивается сюжет. Однако в нарративе героем не обязательно должен быть живой человек: «...понятие персонажа, понимаемого как тот, кто совершает действие, вовсе не предполагает, чтобы персонаж был индивидом. [...] Место персонажа может занимать *всякий*, кто описывается в рассказе как грамматический субъект предиката действия в базовом повествовательном предложении “X делает R”»⁴⁶. Свобода в определении субъекта открывает перед автором путь к использованию коллективных сущностей в качестве полноправных участников действия. Эти сущности и образуют второй уровень повествования, где университет предстает как действующий

---

⁴² *Haller J.* Die Anfänge der Universität Tübingen... S. 125.

⁴³ *Ibid.* S. 134–140.

⁴⁴ *Ibid.* S. 153–156.

⁴⁵ *Ibid.* S. 14–19, 251 ff.

⁴⁶ *Рикёр П.* Время и рассказ... С. 228.

субъект. В результате такой писательской стратегии создается впечатление, что академическая институция способна наравне с другими персонажами действовать как единое целое⁴⁷. Рикёр называет такого субъекта «квази-персонажем»⁴⁸.

Наличие подобных коллективных сущностей характерно для научных дискурсов в области макроистории: истории наций, империй, цивилизаций, государств. В этих случаях верность «методологическому индивидуализму» не позволит охватить глобальные процессы, из-за чего исследователь вынужден прибегать к созданию обобщающих конструкций. В этом случае каждая из них уподобляется индивиду⁴⁹. Данный способ применяется с целью сформировать у читателя упрощенное представление об университете как едином целом, выведя за скобки сложные социальные и профессиональные отношения на уровне кафедр, факультетов, студенческих союзов и руководства. Впрочем, Халлер прибегает к этому эпизодически, в основном в части вступительных и заключительных описаний⁵⁰. В остальном в его книге наблюдается постоянная смена масштабов – от институции к конкретным личностям и наоборот. Эта оптическая перестройка создает многоплановую историю университета, которая затрудняет его восприятие как гомогенного тела.

Еще одна импликация, на которую обращает внимание Рикёр, – это интрига, переменной величиной которой является событие. В книге «Память, история, забвение» оно определяется Рикёром как «всякая несогласованность, вступающая в противоречие с согласованностью действия»⁵¹. Событие представляет собой цезуру, которая в исторической репрезентации символизирует ускорение «социального времени»⁵² и несет в себе судьбоносное значение для последующего сюжета, обеспечивая нарративную связность рассказа. Михаэль Штоллейс делает важное замечание, когда пишет, что цезуры – это маркеры историографии⁵³. Их отбор и описание – привилегия рассказчика, но именно через них мы в

---

⁴⁷ *Haller J.* Die Anfänge der Universität Tübingen... S. 328.

⁴⁸ *Рикёр П.* Время и рассказ... С. 228–229.

⁴⁹ *Haller J.* Die Anfänge der Universität Tübingen... S. 20–43.

⁵⁰ *Ibid.* S. 208 ff., 338–341.

⁵¹ *Рикёр П.* Память, история, забвение / пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская. – М.: Изд-во гум. лит., 2004. С. 341.

⁵² *Рикёр П.* Время и рассказ... С. 121.

⁵³ *Stolleis M.* Der lange Abschied vom 19. Jahrhundert. Die Zäsur von 1914 aus rechtshistorischer Perspektive. – В.; N.Y.: Walter de Gruyter, 1997. S. 5.

состоянии разглядеть нюансы авторской рецепции прошлого. Для университетского историописания проблема цезур актуальна в свете уже упомянутого мной изменения повествовательных масштабов, наличия в нем разных уровней, для каждого из которых характерны свои интриги. Например, это могут быть как политические события, затрагивающие судьбы всей страны, в том числе и университета (войны, революции, восстания, эпидемии, реформы и др.), так и события, заметные только на уровне университетского историописания, потому что их последствия не выходят за пределы ученой корпорации или даже жизни одного из ее представителей.

У Халлера взаимодействие масштабов повествования хорошо видно на примере описываемых им цезур. Цезуры второго уровня – это глобальные события, которые давно стали общим местом в исследованиях по истории Средних веков и раннего Нового времени: эпоха гуманизма (конец XIV – начало XV в.), эпидемия чумы 1482–1483 гг. и период Реформации, перед которым автор завершает свое произведение. Влияние этих событий так или иначе отразилось на судьбе высшей школы: гуманизм привел новое поколение профессоров и послужил катализатором новых преобразований⁵⁴, чума унесла жизни многих людей⁵⁵, а Реформация называется не иначе как «новое основание» (*Neugründung*) университета⁵⁶. Параллельно в повествование включены цезуры первого уровня, которые можно разглядеть только в университетской истории. К их числу можно отнести пожар 1534 г., уничтоживший главное здание и многие документы⁵⁷, а также отставку Й. Фергенханса с поста университетского канцлера в 1509 г.⁵⁸ По Халлеру, после ухода и смерти канцлера в университете заканчивается период процветания. Чтобы выделить

---

⁵⁴ *Haller J. Die Anfänge der Universität Tübingen... S. 314–316.*

⁵⁵ *Ibid. S. 243.*

⁵⁶ «Was sich da seit dem Winter 1534 abgespielt hatte, war mehr als eine Reform, es war eigentlich eine Neugründung. Blieben die äußeren Formen auch die alten, so war mit den neuen Männern doch ein neuer Geist eingezogen, und die neuen Lehrpläne sorgten dafür». *Ibid. S. 340.*

⁵⁷ *Haller J. Die Anfänge der Universität Tübingen... S. V, 133.*

⁵⁸ «Das Leben einer Republik läßt sich nicht nach Herrscherperioden gliedern. Und doch wird in der Geschichte der Tübinger Universität ein neuer Abschnitt bezeichnet durch das Zurücktreten und schließliche Verschwinden des Mannes, der sie mit klugem Rat und sicherer Tatkraft schaffen geholfen und ihr ein Menschenalter lang sorgsame Aufsicht gewidmet hatte. Die Tage des Kanzlers Vergenhans neigten sich ihrem Ende zu». *Ibid. S. 251.*

этот исторический рубеж, Халлер после упоминания о смерти канцлера переходит к характеристике его интеллектуального наследия⁵⁹.

Корреляция цезур может быть продуктивной не только в рамках университетской историографии, но и при соотношении, скажем, истории университета с историей земли (Land), графства или даже нации. Поиск таких точек соприкосновения поможет интегрировать историю университетов в пространство других исторических субдисциплин и выявить возможную связь между разными уровнями историописания.

4. Юбилейная коммеморация: образ войны 1914–1918 гг. в праздничной риторике

Исторический нарратив Й. Халлера с его фокусом на ранней истории Тюбингенского университета, где на первый план выходит не столько сама образовательная институция, сколько ученое сообщество, резко контрастирует с юбилейными речами – другим видом коммеморативных текстов. В публичных выступлениях 1927 г. общим местом стала новейшая история университета – Первая мировая война и ее последствия. О войне говорил практически каждый ритор, выступавший 24 июля на открытии детской клиники, приуроченном к юбилею, и 25 июля в церкви Святого Георга (Stiftskirche). О поминовении павших и почтении к ним говорил ректор Вильгельм Тренделенбург. Приведу отрывок из его выступления:

Только вчера мы вспоминали их, стоя у мемориала. Там их имена передадутся следующему поколению. Но и здесь мы понимаем, что они значат для нас, но и здесь мы обещаем с несгибаемой самоотверженностью и неутомимой преданностью народу, Родине и Отечеству помнить и ценить принесенную ими жертву! [...] Ни преподаватели, ни студенты – никто из тех, кто с усердием и стойкостью прошел через эту войну, не останется забытым. Сегодня эти люди являются примером для современного поколения. Мы благодарны всем, кто сражался и проливал кровь за наше Отечество⁶⁰.

---

⁵⁹ Ibid. S. 251 ff.

⁶⁰ «Schon gestern haben wir ihrer am Gefallenendenkmal gedacht. Ihre Namen wurden dort der Nachwelt überliefert. Aber auch hier sind wir dessen eingedenk, was sie für uns waren, und auch hier geloben wir, durch unbeugsamen Fleiß, durch unermüdlige Hingabe an Volk, Heimat und Vaterland des Opfers wert zu sein, das sie uns brachten! [...] Jedem akademischen

Упомянутый Тренделенбургом долг памяти перед погибшими приобретает героические тона, а принесенная людьми жертва на поле брани становится сакральной. Далеко не все высказывания о войне ограничивались скорбью. Некоторые были пронизаны критикой послевоенного политического устройства и действий держав-победительниц в отношении Германии. Например, профессор К. Хайм на проповеди 24 июля выступил со следующими словами:

Глубоко пронизанные чувствами печали и благодарности, мы стоим здесь, чтобы поговорить с ними (павшими. – *О. М.*) наедине и получить силы для борьбы за высокие идеалы, за которые они отдали свои жизни. Можем ли мы найти бóльший образец для подражания, чем те, кто, не достигнув еще тринадцатилетнего возраста, добровольно отправились на войну? Современное поколение студентов было тогда еще слишком юным, чтобы в те великие воодушевляющие дни откликнуться на зов нашего Отечества. [...] Экономическая нужда на фронте и в тылу снова и снова грозила ураганом смести почти непоколебимую волю немецкого народа к победе. После четырех лет сражений он был сломлен в бою с внешними и внутренними врагами, и через некоторое время после этого нам пришлось ощутить, как навис над нами Версальский диктат, забравший у нас всякую возможность жизни, экономического и культурного процветания⁶¹.

Lehrer werden der Fleiß und die Arbeitsfreude der damaligen durch den Krieg gereiften Schüler unvergeßlich sein, welche der heutigen Generation zum Vorbild dienen müssen. Auch ihnen, die für das Vaterland kämpften und bluteten und die uns ein gütiges Geschick zurückführte, sei hier gedankt». [*Trendelenburg W.*] Festrede gehalten zur 450 Jahrfeier der Universität Tübingen beim Festakt in der Stiftskirche am 25. Juli 1927 von Prof. W. Trendelenburg. – Tübingen: Mohr, 1927. S. 12.

⁶¹ «Tief erfüllt von dem Gefühl der Wehmut und des Dankes stehen wir hier, um in stiller Einkehr und Zwiesprache mit ihnen uns neue Kraft für den Kampf um die hohen Ideale zu holen, für die sie in den Tod gegangen sind. Könnten wir denn auch bessere Vorbilder finden als jene, die vor nun 13 Jahren als Kriegsfreiwillige in den Kampf gezogen sind? Wir, die heutige Studentengeneration, waren ja damals noch zu jung, um in jenen großen Tagen der Begeisterung dem Rufe des Vaterlandes Folge zu leisten. [...] Die wirtschaftliche Not vor und hinter der Front lief immer wieder Sturm gegen den festen und schier unerschütterlichen Siegeswillen des deutschen Volkes. Nach vier Jahren heißesten Ringens unterlag es im Kampfe gegen äußere und innere Feinde und kurze Zeit darauf mußten wir es erleben, daß das Versailler Diktat, das uns jede Lebensmöglichkeit und das Wiederaufblühen unserer Wirtschaft und unseres kulturellen Seins nehmen sollte, über uns verhängt». Die Feier des 450jährigen Bestehens der Eberhard-Karls-Universität Tübingen... S. 23.

Патриотическим пафосом были проникнуты выступления и других ораторов. О «немецком героизме»⁶² говорил, например, профессор Бембермайер. Выступавший в качестве представителя германской армии генерал фон Хофакер призвал студентов, профессоров и гостей собрать оставшиеся частицы немецкого «патриотического духа» («vaterländischer Geist») и хранить его в стенах университета как «великое сокровище, доставшееся в наследство от прежней Германии»⁶⁴. Примерно в этих же тонах были выдержаны речи отставного генерал-лейтенанта, представителя Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями (Volkbund Deutscher Kriegsgräberfürsorge) барона фон Бранда и представителя рейхстага Элленбека⁶⁵. Присутствие на юбилее военных чинов было отнюдь не только свидетельством почтения к офицерам и солдатам, сражавшимся на фронтах. Армия и университет воспринимались как сообщество, где еще сохранилась верность старым ценностям. Как пишет Дитер Лангевитше, именно с этими двумя институтами связывались все надежды на переустройство страны, и в юбилейных торжествах 1927 г. их старались преподнести именно в этом свете⁶⁶.

Недовольство новым политическим строем не было редкостью в послевоенной Германии, в том числе и среди интеллектуалов. Материальные тяготы нового неокрепшего государства внесли неприятные коррективы в повседневную жизнь студентов и профессоров. Преподавательских гонораров не хватало даже на еду и предметы первой необходимости, научные стажировки и поездки за рубеж теперь были недоступны, книги и учебные материалы стали роскошью, резко выросла стоимость публикаций в научных изданиях. Государственные программы поддержки талантливых ученых и пожертвования частных лиц не могли выправить сложившуюся ситуацию⁶⁷.

---

⁶² Ibid. S. 24.

⁶³ Ibid. S. 27.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid. S. 26.

⁶⁶ *Langewiesche D.* Die Eberhard-Karls-Universität Tübingen in der Weimarer Republik. Kriesenerfahrung und Distanz zur Demokratie an deutschen Universitäten // *Zeitschrift für württembergischer Landesgeschichte*. 1992. Bd. 51. S. 374.

⁶⁷ *Ringer F.* The Decline of the German Mandarines: The German Academic Community, 1890–1933. – Cambridge: Harvard University Press, 1969. P. 63 ff. См. также: *Weber A.* Not der geistigen Arbeiter. München; Leipzig, 1923; *Schreiber G.* Die Not der deutschen Wissenschaft und geistigen Arbeiter: Geschehnisse und Gedanken zur Kulturpolitik des deutschen Reiches. – Leipzig: Quelle Meyer, 1923.

Социальная нестабильность приводила к размножению националистических и милитаристских настроений в университетской среде. Усиливалась тоска по утраченному имперскому величию, антисемитизм становился страшнее, а страна в ее новом демократическом облике воспринималась как «жертва демагогов и болтунов, насквозь пропитанных низостью вульгарных инстинктов, страстью завистников, изгоев без роду и племени»⁶⁸. Любой, кто открыто придерживался неконформистских взглядов и брал на себя смелость публично осуждать показную риторику и невежество, рисковал своим положением: «Антиреспубликанская истерия профессоров и студентов то и дело приводила к разного рода инцидентам. Преподаватель, выражавший взгляды, хотя бы отдаленно напоминавшие пацифизм или марксизм, неизменно подвергался травле со стороны студентов, особенно если был евреем»⁶⁹.

Новое международное положение Германии воспринималось как национальное унижение и студентами, и профессорами, не питавшими теплых чувств ни к новому политическому строю, ни к державам-победительницам. Консервативная часть ученого сообщества была поработана ревизионизмом: «...они ничтоже сумняшея снимали со своей страны ответственность за провал дипломатии в 1914 году. Больше того, они оправдывали неограниченную подводную войну и собственную пропаганду против достижения мира путем переговоров. По утверждениям многих из них, Германия проиграла войну потому, что гражданские лидеры своей нерешительностью и непоследовательностью возбуждали в народе пораженческие чувства»⁷⁰. Эти настроения разделяли и тюбингенские профессора, которые в начале войны активно обосновывали ее справедливый характер и укрепляли патриотические чувства⁷¹. Кстати, Й. Халлер был одним из самых плодовитых военных публицистов, а по политическим предпочтениям был, по характеристике Дитера Лангевисе, «бескомпромиссным аннексионистом»⁷².

После военного поражения и Ноябрьской революции 1918–1919 гг. Халлер и ему подобные категорически отрицали какую бы то ни было

---

⁶⁸ Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. – М.: НЛЮ, 2008. С. 257.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 256.

⁷¹ Langewiesche D. Die Eberhard-Karls-Universität Tübingen in der Weimarer Republik... S. 368–371.

⁷² Ibid. S. 368.

ответственность Германии за развязывание войны⁷³. К примеру, упомянутый нами ранее профессор А. Валь в своей статье, вышедшей незадолго до юбилея в газете «Württembergische Hochschul-Zeitung», писал: «Мы должны не защищаться, а активно наступать. Но, конечно, не за тем, чтобы доказывать, что якобы вину за начало войны с Германией делят и другие страны. За эти формулировки еще цепляются многие так называемые “немцы”, чтобы не отнять у революции последние остатки морали и легитимности. Что касается войны, то Германия вообще в ней не виновата!»⁷⁴ Стоит ли удивляться, что на фоне этих патриотических возгласов презрение к республике и идеализация кайзеровской Германии становились все сильнее? Так, В. Тренделенбург в своей речи заявил:

Начало последнего пятидесятилетия, на которое мы в первую очередь хотим обратить внимание, представляло собой счастливое время крепнувшей власти и экономической мощи нашего Отечества. Под властью мудрых правителей, которых мы с благодарностью вспоминаем сегодня, университет мог спокойно развиваться и решать многие стоящие перед ним задачи, выявлявшиеся по мере роста экономических потребностей и роста числа студентов⁷⁵.

Ностальгия по утраченной империи сочеталась у Тренделенбурга с неприятием новых веяний в системе высшего образования, что выражалось в ярких противопоставлениях привлекательного прошлого и отталкивающей современности:

---

⁷³ См., к примеру, речи Халлера, опубликованные в 1934 г.: *Haller J. Reden und Aufsätze zur Geschichte und Politik*. – Stuttgart; В.: Cotta, 1934. В особенности: S. 311–343.

⁷⁴ «Wir müssen *offensiv* vorgehen und uns nicht verteidigen, natürlich auch nicht mit dem elenden Ziel, nur die “Nichtalleinschuld” Deutschlands zu erweisen, eine Formulierung, an der ja freilich noch viele “Deutsche” festhalten, um der Revolution nicht jeden Rest von moralischer Berechtigung zu nehmen. Deutschland trägt überhaupt keine Kriegsschuld!». *Württembergische Hochschul-Zeitung*, Neue Folge. Nr. 6. 15. Juni.

⁷⁵ «Der Beginn der letzten 50 Jahre, auf die wir in erster Linie unseren Blick richten wollen, lag in einer glücklichen Zeit der aufstrebenden Macht und wirtschaftlichen Größe unseres Vaterlandes. Unter der Regierung weiser Fürsten, derer wir heute in Dankbarkeit gedenken, konnte auch die Universität sich ruhig entfalten und konnten viele Aufgaben gelöst werden, die sich mit dem Fortschreiten der wissenschaftlichen Bedürfnisse und mit der starken Zunahme der Zahl der Studierenden von selbst ergaben, die sich unserer schönen Hochschule zuwendeten». [*Trendelenburg W.*] Op. cit. S. 11.

Послевоенные изменения, которые я упомянул, могли оказаться существенными для некоторых университетов. Многие думали, что все древнее нужно обновить и изменить только потому, что оно относится к предвоенному периоду – «старому времени». Но здоровое, спокойное и понимающее сознание вюртембергского народа, к счастью, уберегли нас от опасных экспериментов в сфере высшего образования. Вот наша безошибочная позиция: держаться старых устоев, когда они проходят проверку на прочность, и относиться критически ко всему новому – проверять, не продиктована ли эта новизна модой или политическим установлением, – которые никогда не должны оказывать влияние на университетскую жизнь⁷⁶.

Не было ли в этом скепсисе по отношению к новым временам скрытой критики в адрес демократизации высшего образования? Призывы к самостоятельности стали озвучиваться ученым сообществом еще во время войны, когда боевые действия шли полным ходом, а о грядущей революции 1918–1919 гг. и отречении кайзера Вильгельма II никто не подозревал. «Больше самоуправления! Больше свободы для учреждения малых союзов. Прежде всего: больше веры в способность этих союзов к самостоятельному развитию не во вред, а во благо страны», – говорил ректор Вильгельм фон Блюме 25 февраля 1917 г.⁷⁷ Однако в условиях разорения, многочисленных жертв, инфляции и контрибуций, которые Германия должна была выплатить по условиям «позорного Версальского договора»⁷⁸, эти слова не вызывали сочувствия у защитников старых порядков, равно как и другие демократические новшества, которые принесла с собой Веймарская республика.

---

⁷⁶ «Die Veränderungen, welche ich nach dem Kriege ergaben, mögen an manchen Universitäten einschneidender gewesen sein. Viele glaubten, daß alles Alte nur deshalb schon, weil es aus der „alten Zeit“ vor dem Kriege stammt, zu erneuern und zu verändern sei. Der gesunde, ruhige und verständige Sinn des Württembergischen Volkes hat uns glücklicherweise vor gefährlichen Experimenten im Universitätswesen bewahrt. Es ist mit Recht unser unbeirrbarer Standpunkt, am Alten festzuhalten, wenn es sich bewährte, und alles Neue der strengen kritischen Betrachtung zu unterziehen, ob es nicht nur der Mode oder der politischen Einstellung entspringt, welche beide im Universitätswesen niemals Platz finden dürfen». Ibid. S. 14.

⁷⁷ «Mehr Selbstverwaltung! Mehr Freiheit für die Bildung kleiner Verbände. Vor allem: Mehr Vertrauen zu der Fähigkeit dieser Verbände sich selbständig zu entwickeln, nicht zum Nachteil, sondern zum Vorteil des Staates». [*Köhler L. von*] Rede des neuen Rektors Professor Dr. Ludwig v. Köhler // Reden bei der Rektoratsübergabe am 30. April 1925. – Tübingen: Mohr, 1925. S. 10.

⁷⁸ *Langewiesche D.* Die Eberhard-Karls-Universität Tübingen in der Weimarer Republik... S. 372.

В юбилее 1927 г. можно выделить два направления саморепрезентации университета с помощью исторических сюжетов. Первое – поиск идентичности через события средневековой истории – представлено нарративом Халлера и основано на событиях из ранней университетской истории. Как признается Халлер в своих воспоминаниях, в этой работе для него было важно показать свою любовь к Тюбингену, передать читателю очарование средневековыми историческими образами. Созданный им облик университета динамичен. В нем просматриваются два повествовательных уровня, которые можно идентифицировать через события и героев. Первый уровень представляет собой локальное историописание, где видна институциональная и социальная история университета, а также органично встроенные туда жизнеописания студентов, профессоров и администрации. Второй уровень показывает Тюбингенский университет в качестве независимого субъекта повествования, действующего наравне с другими одушевленными персонажами. События на этом уровне развиваются в масштабе графства, страны или даже более обширного региона, но вместе с этим затрагивают и сам университет.

Второе направление – юбилейная риторика, в центре которой была новейшая история. Схожая тональность всех юбилейных речей говорит о том, что необходимость сколачивания единого пространства смыслов ясно осознавалась университетским руководством во времена Веймарской республики. Символическое пространство было создано за счет войны 1914–1918 гг., которая была показана как рубеж, отделяющий идеальное «вчера» от мрачного и неказистого «сегодня». Перед нами пример того, как не локальное, а глобальное событие становится катализатором единства и главной идеологической составляющей университетского юбилея. Таким образом, участники юбилейного дискурса артикулировали травмированную память людей о недавно пережитой катастрофе. Романтизация 1914–1918 гг., героизация кайзеровской Германии и отсутствие раскаяния за начало войны были типичны для интеллектуалов периода Веймарской республики. Можно сказать, что юбилейный контекст 1927 г. был определен ревизионистскими настроениями, господствовавшими в 1920-е годы во многих учебных заведениях Германии того периода.

Изучение историописания высшей школы с позиций нарратологии кажется мне перспективным развитием университетской историографии. Во-первых, это дает нам возможность понять, насколько тесно универ-

ситетское историописание может соприкасаться с национальным, причем не только в плане цезур, героев, но и общих исследовательских подходов, а может быть даже и моральных оценок. Во-вторых, современная нарратология добилась внушительных успехов в исследованиях разных типов исторического письма и интеллигибельности рассказа как способа репрезентации. И те и другие теоретические разработки смогли бы помочь оценить научный потенциал юбилейных нарративов и решить вопрос демаркации (или вообще ее необходимости) научного и популярного жанров университетского историописания.

Сокращения:

UAT – Universitätsarchiv Tübingen

HZ – Historische Zeitschrift

BW – Berichte zur Wissenschaftsgeschichte

AK – Archiv für Kulturgeschichte

HA – Historische Anthropologie

Препринт WP6/2013/06
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Морозов Олег Владимирович

**Историческое прошлое Тюбингенского университета
в юбилейном контексте 1927 года**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆, Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,8
Усл. печ. л. 1,7. Заказ № . Изд. № 1575

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»